

Диана Вечорек

К вопросу о полипредикативности простого предложения : на материале поэтических текстов

Studia Rossica Posnaniensia 24, 189-193

1993

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

К ВОПРОСУ О ПОЛИПРЕДИКАТИВНОСТИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

THE PROBLEM OF POLYPREDICATION OF SIMPLE SENTENCES (USING POETIC TEXTS)

ДИАНА ВЕЧОРЕК

ABSTRACT. The author draws the conclusion that the form of the Russian dative of perception can be dealt with as a secondary predication.

Diana Wieczorek, Uniwersytet Wrocławski, Instytut Filologii Słowiańskiej, pl. Nankera 17, Wrocław, Polska-Poland.

В синтаксической науке термин „полипредикативность” еще до совсем недавнего времени употреблялся исключительно по отношению к формально сложному предложению и противопоставлялся термину „монопредикативность”, относящемуся к формально простому предложению. Следовательно, моно- и полипредикативность сводилась к количеству грамматически выраженных в предложении предикативных центров, что и определяло формальную N-предикативную структуру предложения. Грамматическая выраженность предикативности, напомним, ограничивалась рядом морфологических запретов.

Однако же по мере все более возрастающего внимания к семантике грамматических исследований и интереса ко всему невыраженному, скрытому, имплицитному подобное установленное традицией деление на простые и сложные предложения перестало удовлетворять. Выяснилось, что формально простое предложение часто оказывается отнюдь не простым в своей семантической интерпретации. Появились работы, расширяющие понятие полипредикативности и способов ее морфологического представления. В результате семантизации синтаксических фактов термин „полипредикативность” стал использоваться и применительно к некоторым формально простым предложениям.

В наши дни понятие полипредикативизации простого предложения (с формальной точки зрения) включает широкий круг языковых фактов, наблюдаемых, конечно, и ранее, но безотносительно к признаку „полипредикативность”.

Суть рассматриваемого явления состоит в следующем: к примарной предикации может присоединяться предикация секундарная (дополнительная, скрытая, свернутая, неполная, имплицитная).

Секундарная предикация имплицитно наличествует в членах предложения, являющихся предикатными словами, то есть словами с пропозитивной

(событийной) и характеризующей (признаковой) семантикой. Достаточно полно описано, что пропозитивный смысл эксплицируют отглагольные имена:

1. в определенной синтаксической позиции инфинитив
 „Жить и сгорать у всех в обычае” (Пастернак) →
 Люди живут и сгорают. Это обычай всех.
 „Я весь мир заставил плакать
 Над красой земли моей” (Пастернак) →
 Я заставл весь мир, чтобы он плакал над красой земли моей;
2. причастие
 Не может позабыться страх, изборождавший лица (Пастернак) →
 Страх изборождал лица. Страх не может позабыться;
3. деепричастие
 И ветер, жалуясь и плача,
 Раскачивает лес и дачу (Пастернак) →
 Ветер жалуется. Ветер плачет. Ветер раскачивает лес и дачу;
4. девербатив
 „Весенний день...
 Захваченный примеркой ожерелья,
 Он еле управляется к заре (Пастернак) →
 Весенний день примеряет ожерелье. Он захвачен этим. Он еле управляется к заре.

Довольно известно, что характеризующий смысл прочитывается в деедъективах:

- „Его надменность льстила мне” (Пастернак) →
 Он был надменен. Это льстило мне.
 Безвыходность тоски вдвойне
 С пустыней моря схожа (Пастернак) →
 Тоска безвыходна. Она вдвойне с пустыней моря схожа.

И, наконец, недостаточно исследован вопрос наличия секундарной предикации в именных формах, отличающихся особенностями синтаксического употребления. К примеру, некоторые из них:

1. аппозитивное имя
 „Той страны обычай
 Пленницу-красу
 Отдавал в добычу
 Чудищу в лесу” (Пастернак) →
 Той страны обычай пленницу, которая была красой, отдавал в добычу чудищу в лесу;
2. творительный предикативный
 „Я тоже чтил его подростком” (Пастернак) →
 Когда я был подростком, я тоже чтил его.

„Его живым успели вынести” (Пастернак) →
Его успели вынести. Он был живым.
„Юношей воскрес старик” (Цветаева) →
Старик воскрес. Старик оказался юношей;

3. несогласованное определение

„Из-под гребня тяжелого
Смотрит женщина в шлеме” (Пастернак) →
Из-под гребня тяжелого смотрит женщина. Женщина одета в шлем.

В этой связи наше внимание обратило на себя одно функционирование дательного субъекта, свойственное структуре русских поэтических текстов. Речь пойдет о дательном воспринимающего лица, то есть экспериенсе в структурах типа

„В тѣнях траурной ольхи сладко дышат мне духи”. (Блок)
„Египту речь моя звучала, как закон”. (Брюсов)
„Нет, не луна, а светлый циферблат сияет мне”. (Мандельштам)

Как известно, именные формы при глаголах могут обозначать объект или характеризовать действие обстоятельством. Рассматриваемый датив не является приглагольным, то есть объектным или обстоятельным его употреблением. Он не вытекает из дистрибуции глагола восприятия, поскольку этот глагол имеет закрытую семантику. Возможность эллиминации датива не нарушает отмеченность предложения:

В тѣнях траурной ольхи сладко дышат духи.
Речь моя звучала, как закон.
Нет, не луна, а светлый циферблат сияет.

Однако семантика конструкций без датива отличается от семантики конструкций с дативом. А именно, отсутствие дативной формы субъект восприятия оставляет неизвестным, в то время как присутствующий датив вносит совсем конкретную семантическую на линии известность/неизвестность субъекта, конденсируя тем самым семантику всей конструкции. Сказанное иллюстрирует полностью эксплицированный вариант дативной конструкции, выявляющий пропозитивное прочтение дательного перцепции:

Дышат мне духи → Я чувствую, как дышат духи.
Египту моя речь звучала, как закон → Речь моя звучала, как закон.
Так ее воспринимал Египет.
Не луна, а циферблат сияет мне → Я вижу, как сияет не луна,
а циферблат.

Итак, налицо ситуация смысловой эквивалентности воспринимающего датива предложению, которое строится по образцу 'X воспринимает'.

Разумеется, что в лирической поэзии семантика 'воспринимать' обязательно сводится к слуховой, зрительной или обонятельной перцепции. Перцепция может иметь здесь метафорическое значение:

„Серп с косою – мечи! –
И победность сохи
Мне горят, как стихи”. (Бальмонт)

Думается, что есть основания датив восприятия расценивать как имплицитную предикацию, осложняющую формально простое предложение. В этом факте можно видеть логическое следствие того положения дел, что глаголы восприятия имплицитно субъект восприятия. Вербализованный дативом субъект однозначно конкретизируется в границах одного высказывания, освобождая контекст от своей дешифровки.

Чаще всего дативный субъект имеет „я”-семантику, что связано с обычным в лирической поэзии обращением к себе, то есть с автоадресацией речи:

„Звучали песни мне”. (Бальмонт)
„Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе”. (Мандельштам)
„Красный цвет мелькнул мне в ласковой тиши”. (Бальмонт)
„И тайный образ мне мелькает”. (Мандельштам)
„Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик”. (Блок)
„Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь”. (Блок)
„Что буря жизни, если розы
Твои цветут мне и горят”. (Блок)
„Мне солнце горит – в полночь”. (Цветаева)
„Спит каменщик. Он строит и во сне.
И этой ночью, дымчатой и звездной,
Сон его пахнет глиною, известкой
И гордо, словно каменщику, мне”. (Евтушенко)

Автоадресация обозначается также дативом местоимений, включающих семантический компонент „я”:

„Он нам блеснет улыбкой многозвездной”. (Бальмонт)
„Нам чирикнет снегирь”. (Бальмонт)
„Нам свищет соловей на клене”. (Брюсов)
„В последний раз нам музыка звучит”. (Мандельштам)
„Ты звени, звени нам мать-земля сырая”. (Есенин)
„И всем священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах”. (Блок)

Характерны для лирики и другие типы адресации, представленные дативом перцепции:

„Там, где эллину сияла
Красота
Мне из черных дыр зияла
Срамота (Мандельштам)
„И смех мой –ревность всех сердец! –
Как прокаженных бубенец –
Гремит тебе. (Цветаева)
„Спрыгну в сад и окно притворю,
чтобы бритва тебе не жужжала”. (Вознесенский)
„Кому горят мои георины?”. (Вознесенский)

В приведенных конструкциях рассматриваемая форма сохраняет инвариантное значение дательного падежа – направленность и раскрывает одно из частных его значений – дезактивизацию субъекта. Таким образом, подчиняясь, если можно так выразиться, семантической дисциплине дательного падежа, дательный перцепции имеет свою отличительную особенность. А именно, он последовательно ведет себя как синтаксическая единица с пропозитивным прочтением.

На первый взгляд может казаться, что это изолированное синтаксическое явление, связанное с индивидуально-поэтическим построением. Однако это далеко не так. Во-первых, потому, что подобные конструкции известны и русской прозе:

„Баркарола, которую Люба играла в тот день, нередко звучала ему в часы полусонного бреда”. (В. Белов)

Во-вторых, потому, что, как следует из наших наблюдений, пропозитивный смысл формы дательного субъекта прослеживается также и в других типах русского и славянского предложения с разной стилистической маркированностью.

Анализируемый факт позволяет трактовать секундарную предикацию как синтаксическую компрессию, понимаемую как увеличение количества информации на единицу текста. Это подтверждало бы известный тезис о языковой экономии. Кроме подобного общетеоретического видения синтаксической потенции датива, можно видеть еще одну частнотеоретическую проблему – необходимость преодоления морфологизованных понятий простого и сложного предложения.